

Все ради одной ночи

Автор:

[Ким Лоренс](#)

Все ради одной ночи

Ким Лоренс

Соблазн - Harlequin #175

Стоило лишь незаметной Лили Грей однажды взглянуть на элегантного красавца Бенедикта Ворендера, как она сразу же поняла, что безнадежно пропала. Волею случая они сталкиваются вновь, и эта встреча дарит им незабываемые воспоминания о ночи любви. Кроме того, у них появляется общий секрет, который раз и навсегда изменит их жизнь...

Ким Лоренс

Все ради одной ночи

* * *

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Her Nine Month Confession

© 2015 by Kim Lawrence

«Все ради одной ночи»

© «Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

Пролог

Лондон. Три года назад

Проснувшись, как обычно, в шесть утра, Лили сразу же поняла, что заснуть ей больше не удастся, но все равно не спешила вставать, нежась в сладкой полудреме и размышляя о преимуществах ранних подъемов. Например, она никогда не опаздывала на работу, да еще и успевала переделать много всего важного в тихие утренние часы, пока весь мир и, главное, шумные соседи еще спали.

Отбросив упавшие на лицо кудряшки, Лили устроилась поудобней и задумалась о так называемых нормальных людях, которым, чтобы снова уснуть, достаточно повернуться на другой бок. Да что там говорить, даже ее собственная сестра-близняшка, Лара, могла бы запросто проспять землетрясение, но только не она сама...

Каждое утро одно и то же.

Или нет?

Нахмурившись, Лили старательно пыталась понять, что не так.

Неужели она все-таки проспала?

По-прежнему лежа с закрытыми глазами, она нащупала на тумбочке мобильник, попутно задев рукой пару непонятных объектов, приоткрыла один глаз, увидела

на экране ожидаемо ранний час и, глубоко вдохнув, прижала телефон к груди. К голой груди. А это важно? Нет. Натянув простыню до плеч, Лили снова задумалась.

Что же не так? И дело тут не во времени или собственной наготе.

Оглянувшись по сторонам, она вдруг поняла, что это не ее комната.

Резко все осознав, Лили внимательнее прислушалась к собственному телу, чувствуя себя так, словно вчера марафон пробежала. Вот только она в жизни столько не бегала, да и вряд ли когда-нибудь побежит. Но вчера... вчера ночью!

Окончательно вспоминая вчерашнюю ночь, Лили наконец-то открыла глаза. Ладно, теперь хотя бы понятно, почему у нее ноют места, о существовании которых она раньше даже и не подозревала.

Прижав руку к левой груди, под которой сердце бешено пыталось вырваться наружу, Лили медленно-медленно начала поворачивать голову... А что, если ей все это просто приснилось? Сжав зубы, она приготовилась к худшему...

Нет, все-таки он оказался реальностью.

Еле слышно выдохнув, она повнимательнее присмотрелась к покоившейся на соседней подушке голове, впитывая в себя черты и линии прекрасного лица. Хотя можно подумать, она вообще когда-нибудь сможет их забыть!

Однажды увидев это лицо, на него хочется взглянуть второй раз, третий, четвертый... Широкий лоб, высокие скулы, квадратный подбородок с очаровательной ямочкой, густые четко очерченные брови, орлиный нос, выразительные чувственные губы и глаза... Огромные ярко-голубые глаза под невероятно длинными пушистыми ресницами.

Разглядывая лицо спящего мужчины, Лили уловила в нем нечто новое. Точнее, отсутствие той безумной энергии, что окутывала его незримым полем, пока он бодрствовал.

Нельзя сказать, чтобы во сне он выглядел уязвимым, скорее, даже несмотря на пробивавшуюся на щеках щетину, казался несколько младше.

Лили невольно задумалась.

Разумеется, она знала Бенедикта и раньше. Да и можно ли было о нем не знать, когда поместье, в котором отец был старшим садовником, да и вся округа так и гудели от сплетен о родившемся в рубашке и ставшим главной отрадой деда мальчишке? Только пока все наперебой обсуждали его торжественное поселение в большом доме, сама Лили тихо его презирала.

Ворен Корт располагался всего в пятистах метрах от того поместья, где жила Лили, но даже тогда она уже четко знала, что их миры бесконечно далеки друг от друга. Проще говоря, сама жизнь подсказывала, а точнее, даже приказывала ей не любить богатого мальчика.

А потом умер отец, и ей стало не до Бенедикта. Даже на похоронах, куда он пришел вместе с дедом, она не обратила на него ни малейшего внимания; вот только когда она тихо сбежала с кладбища на пруд, где отец когда-то учил ее пускать «блинчики» по воде, подобрала камень, бросила, посмотрела, как он идет ко дну, и с залитым слезами лицом тихо выдохнула: «У меня никогда не получится», сзади раздалось:

– Получится.

– Не получится! – Злясь, она сжала кулаки и резко обернулась, задрав голову, чтобы заглянуть в лицо слишком высокому мальчишке. – Отец умер, а тебя я ненавижу! – закричала она, выливая переполнявшие ее горе и отчаяние на непрошеного советчика.

И только проорав эти злые слова, она увидела полные сочувствия ясные голубые глаза.

– Я понимаю, тебе сейчас паршиво. – Он протянул ей камень, такой холодный и гладкий, что она до сих пор его помнила, и велел: – Попробуй этот.

Когда они наконец-то оттуда ушли, она уже умела пускать три раза отскакивающий от воды «блинчик» и твердо верила, что влюбилась.

Да и как иначе? Все ее существо отчаянно жаждало романтики, а мальчик, которому уже совсем скоро предстояло стать мужчиной, буквально воплощал оживший сплав героев из тех романов, что она с жадностью поглощала ночами. Ведь он не просто жил в замке, но и как никто иной подходил на роль печального и задумчивого рыцаря, да вдобавок был уже совсем зрелым. На целых пять лет старше ее самой. А еще подтянутый и умный, так что она недолго думая пустилась во все тяжкие и нафантазировала себе целую сказку. Впрочем, придуманной сказке так и суждено было бы остаться фантазией, если бы не та ночь...

Лили не одну неделю с нетерпением ждала рождественского бала для работников поместья, что ежегодно устраивал дед Бенедикта в огромном елизаветинском холле Ворен Корта, где мама недавно стала экономкой. А еще она знала, что сам Бенедикт, как раз закончивший Оксфорд и перебравшийся по делам в Лондон, тоже там будет.

Ждала и активно готовилась, выпросив у Лары, обладавшей куда лучшим вкусом и гардеробом благодаря щедрым чаевым в отеле, где она по субботам подрабатывала официанткой, отличное платье. А когда Бенедикт наконец-то приехал, она с первого же взгляда поняла, что он неуловимо изменился. И дело было даже не в отличном костюме. Но прежде чем она успела его хорошенько разглядеть, как к нему присоединилась высокая блондинка в дизайнерском платье.

– Дорогой, мне так скучно, – выдала она, растягивая гласные и совершенно не пытаясь понизить голос. – Когда мы уже наконец-то сможем уйти? Ты не говорил, что здесь будет столько сброда.

– Слюнками истекаешь? – вклинилась никогда не упускавшая случая подразнить ее Лара. – Не стой столбом, не упusti свой шанс, если он действительно тебе нужен.

– Да не нужен он мне! – в кои-то веки огрызнулась Лили. – Он мне даже не нравится. Слишком скучный и высокомерный! – выплюнула она, а потом

обернулась и увидела застывшего в двух шагах от нее Бенедикта.

После этого неловкого случая они больше не встречались, да и вспоминать она о нем почти не вспоминала, если не считать тех случаев, когда натыкалась на его упоминания в прессе, но экономикой Лили никогда не интересовалась, так что, кто такие финансовые магнаты, представляла себе весьма смутно.

А потом совершенно случайно врезалась в него, выходя из книжного магазина.

В судьбу она никогда не верила, но разве можно придумать такому столкновению лучшее объяснение? Она выходила на улицу, а он в ту же минуту решил зайти в книжный. На секунду ослепленная упавшей на лицо прядкой, Лили столкнулась не с кем-нибудь, а именно с Бенедиктом.

Возвращаясь к реальности, Лили с трудом удержалась, чтобы не погладить пробившуюся на загорелой щеке темную щетину того же цвета, что и коротко остриженные волосы.

Как же мирно он сейчас спит... Ночь сумела разгладить напряженные складки, что бежали от носа ко рту, но тени под глазами все равно остались. Правда, усталость ничуть его не портила, скорее даже наоборот, прибавляла сексуальности.

Нет, как же он все-таки красив! Вчера она весь вечер с собой боролась, чтобы раз за разом этого не повторять, а потом сдалась и без конца твердила это слово между поцелуями, да и потом, пока его губы опускались все ниже и ниже...

Любовники.

Теперь они любовники.

И он ее первый...

Но об этом никто никогда не узнает.

Прикрыв глаза, она стала вспоминать дальше.

– Лили!

Бенедикт был одним из тех немногих, кто никогда не путал ее с сестрой-близняшкой.

Подобрав выпавшую у нее из рук книжку, он вернул ее ей, слегка задев пальцами ее пальцы, и Лили сразу же обожгло жаром, к которому ее не сумели подготовить безопасные полудетские фантазии, которые никогда не должны были воплотиться в реальность.

Наэлектризованный жар проник в каждую клеточку ее тела, лишая способности мыслить и застилая весь мир дрожащим маревом до такой степени, что Лили даже не сразу смогла вспомнить собственное имя. Медленно поднимаясь с корточек, они оба все еще держались за как бы связавшую их книгу, но тут их бесцеремонно толкнул очередной прохожий, и книга снова полетела на землю.

Наваждение сразу же рассеялось, и они нервно засмеялись.

На этот раз Лили дала Бенедикту подобрать книжку, а сама тем временем разглядывала темную макушку, одновременно пытаясь немного встряхнуться и прийти в себя. Внимательно наблюдая, как он читает заголовок и удивленно приподнимает бровь, Лили приняла протянутую книгу, не забыв на этот раз проследить, чтобы их пальцы не соприкасались.

– До сих пор книжки любишь? – улыбнулся Бенедикт. – Помню, как давным-давно поймал тебя, когда ты пыталась под свитером вынести из дедовской библиотеки первое издание Диккенса.

– До сих пор помнишь? – удивилась она, но удивление сразу же сменилось ужасом. – Это действительно было первое издание?

– Не переживай, старик не возражал.

– Так он знал?

Бенедикт рассмеялся, и морщинки вокруг голубых глаз стали еще глубже.

– Что ты любила без спросу заимствовать его сокровища? Конечно, знал. Но не возражал. – Оторвавшись от ее залитого краской лица, Бенедикт посмотрел на красовавшиеся у него на запястье часы, и Лили мысленно взмолилась, чтобы ему нужно было бы куда-нибудь срочно идти и они смогли бы спокойно распрощаться, но вместо этого он продолжил: – Я как раз собирался выпить кофе... – Голубые глаза так и лучились добротой и чем-то таким, от чего у нее внизу живота все судорожно сжалось, а потом он еще и улыбнулся, мгновенно лишая ее последних сил сопротивляться. – Вообще-то не собирался, но теперь собираюсь. – Все еще улыбаясь, он слегка склонил голову набок. – Не хотела бы ты?..

Чувствуя, как дрожат и подгибаются колени, Лили осторожно выдохнула. Если на нее так действует простая улыбка, что же будет, если он до нее дотронется? Или поцелует?

Ну и зачем она снова начинает что-то себе представлять? Он же всего-навсего предложил ей капучино, а не ночь необузданного секса!

– Давай, Сэм ждет меня только через полчаса.

Бенедикт слегка нахмурился:

– Твой друг?

– Да. – И это даже правда. Саманта Джейн была первой, с кем она по-настоящему сдружилась в колледже театра и драмы. И Сэм не обидится, даже если она немного опоздает. Или вообще не придет. Недаром же она постоянно отчитывала ее за неправильную личную жизнь. Точнее, за полное отсутствие оной.

– Хватит уже быть такой привередливой, – поучала подруга. – Бери пример с меня. Уже и не помню, сколько я лягушек перецеловала, но когда наконец-то появится мой принц, я его сразу узнаю. Да и, по правде сказать, лягушки тоже попадаютса весьма забавные.

Час спустя Лили с Бенедиктом все еще сидели в кофейне, и она даже не могла вспомнить, о чем они говорили. Но одно она знала точно: рядом с ней он смеялся, а сама она чувствовала себя чертовски умной и сексуальной. Стоило им

устроиться за удобным столиком, как она уже через пять минут сумела расслабиться и постепенно снизила оборону, пока разговор незаметно перетекал от книг к политике, от политики к ее любимому мороженому, а от мороженого к театральному курсу и выпавшему ей шансу. И только потом Лили вдруг поняла, что о себе он так почти ничего и не сказал.

– Значит, скоро можно будет увидеть тебя на экране? – Опершись локтями на стол, Бенедикт слегка подался вперед, всем своим видом показывая искреннюю заинтересованность и совершенно не обращая внимания на глазевших на него со всех сторон женщин, полностью сосредоточившись лишь на ней одной. И такое внимание действовало на нее сильнее любого вина. Если бы Лили была кошкой, наверняка бы уже давно мурчала от удовольствия.

– Роль у меня совсем маленькая.

– Никогда не думал, что актрисы бывают скромными.

– Я не скромничаю, роль действительно совсем маленькая.

– Зато в раскрученном сериале.

– Мне просто повезло.

– Тебе бы не помешало взять пару уроков самопиара.

Улыбнувшись, Лили из-под ресниц глянула на Бенедикта:

– Это предложение?

Стоило ему в ответ лишь улыбнуться, как она сразу же растаяла. Но как же все-таки приятно, когда мужчина разглядывает тебя с таким неприкрытым желанием! Особенно если большую часть жизни этот мужчина служил тебе эталоном, с которым так никто и не сумел сравниться.

Может, именно поэтому у нее до сих пор и не было ни одних серьезных отношений?

Но не успела она еще углубиться в эту мысль, как Бенедикт накрыл ее ладонь своей рукой и принялся легонько ее массировать большим и указательным пальцем, мгновенно заставляя забыть обо всем на свете и сосредоточиться на происходящем прямо здесь и сейчас. Вот только вспыхнувшие в ней чувства ничуть не напоминали подростковую влюбленность, да и вообще ни на что знакомое не походили.

Блаженствуя под уверенными, но при этом невероятно мягкими прикосновениями, она поняла, что закрыла глаза, лишь услышав хриплый голос:

– Пойдем ко мне.

Лили ничего не ответила. Просто не смогла.

А спустя пару секунд выдохнула изменившимся до неузнаваемости голосом:

– Пойдем.

Если бы она знала, что ее ждет, она бы согласилась намного раньше. Потому что та ночь не просто воплотила в жизнь все ее мечты, но и намного их превзошла.

Тело все еще ныло после ночи любви, пронизанное совершенно новым и непривычным ощущением целостности и полноты. А впереди у них еще было много ночей, за которыми приходили бы дни и... Разглядывая лежащего рядом с ней в постели Бенедикта, Лили уже во всех красках представляла их общее будущее. Потому что эта ночь стала началом чего-то нового. Просто обязана была стать.

Глубоко вздохнув, она приказала себе успокоиться и спуститься с небес на землю и не забивать себе голову романтической чепухой. Но одно она знала точно. Теперь их связывал не один только секс, потому что нечто настолько особенное не может сводиться к одному лишь временному физическому удовлетворению. Она не знала, как назвать это нечто, но в его подлинности не сомневалась.

Сэм постоянно спрашивала, чего же Лили до сих пор ждет, но та не знала, что ей ответить. А теперь наконец-то нашла нужный ответ. Все это время она ждала Бенедикта.

Интересно, он сам-то понял, что стал ее первым мужчиной? Вспомнив неудачный опыт сестры, она промолчала и не стала ничего ему говорить, потому что, когда Лара призналась выбранному мужчине, что она девственница, тот сразу же ее отшил, заявив, что никогда не связывается с девственницами.

Но как к этому относятся остальные мужчины?

И особенно Бенедикт?

Не передумает ли он с ней связываться? И готова ли она рискнуть?

И можно ли считать такое умолчание ложью?

На практике же все ее страхи быстро развеялись, а ее собственная неопытность ничему не мешала, но в итоге она так и не поняла, заметил ли что-нибудь Бенедикт или нет.

Ладно, потом нужно будет осторожно обо всем расспросить.

Устроившись поудобнее, Лили быстро просмотрела почту и взялась за светскую хронику. Сериал, который она видела на прошлой неделе, получил «Оливера», и фанаты требовали, чтобы их любимца вернули в эфир в удобное время. Звездные парочки расставались, оставшись хорошими друзьями, а...

– Нет! – выдохнула она, чувствуя, что еще немного и череп взорвется от переполнявшей ее злости. Причем злилась она и на него, и на себя.

Даже сквозь слезы она четко различала картинки, яснее всяких слов твердившие о ее непроходимой глупости.

Судорожно сглотнув, она принялась читать статью, напичканную цитатами друзей свежеебвенчавшейся парочки, вновь разглядывала фотографии будущей невесты с огромным бриллиантом на пальце и жениха... жениха на горнолыжном

склоне с запорошенными снегом ресницами, того же самого элегантного и немного надменного жениха на красной дорожке, а потом серьезного и собранного на экономической конференции...

Осторожно вдохнув, Лили слегка повернула голову.

«Никто не удивился», – читала она.

Ошибочка вышла. Она еще как удивилась.

Вот только чему? Очевидно же, что она углядела в нем лишь то, что сама хотела увидеть, а не то, что там было на самом деле. Он мужчина, а сама она всего лишь легкая добыча, о которой назавтра никто и не вспомнит.

Но как же больно это сознавать...

Борясь с переполнявшими ее болью и злостью, Лили изо всех сил сжала кулаки, впиваясь ногтями в нежную кожу ладоней и пристально вглядываясь в лицо спящего рядом с ней мужчины.

Оказывается, в шестнадцать у нее было больше ума, чем в двадцать два! Но даже если он и решил, что ее полностью устраивает одна ночь, он же обручился! Причем совсем недавно!

Она уже готова была разбудить Бенедикта, но вместо этого слегка отстранилась и глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Стоит ли вспышка гнева последующего за ней унижения? Готова ли она открыто признать себя наивной дурочкой, верящей в родственные души и истинную любовь?

Да что угодно, лишь бы не это!

Вздрагнув всем телом, Лили торопливо вылезла из-под простыни, но тут Бенедикт слегка застонал, и она мгновенно замерла, чувствуя себя диким зверем, внезапно угодившим в ослепительный свет прожектора. Не обращая внимания на бешено бьющееся в груди сердце, Лили дождалась, пока он успокоится и его дыхание вновь выровняется, и лишь затем встала.

Ежесекундно оборачиваясь на спящего мужчину, она собирала разбросанную на полу одежду, спряталась в темной ванной, быстро оделась, так и не решившись включить свет, а потом, словно какой-то вор, украдкой выскользнула на улицу.

И лишь в метро поняла, что потеряла сережку.

Впрочем, это было далеко не самым важным из того, что Лили потеряла той ночью, но если бы она тогда знала, что ей удалось обрести...

Глава 1

Первые два дня отпуска Лили надевала поверх бикини сарафан, подводила глаза и с сандалиями в руках гуляла по белому песчаному пляжу, а вечером, за ужином с остальными гостями, любовалась закатом под звуки пианино.

Все шло просто замечательно, если не считать одной маленькой детали. Эти волшебные мгновения не с кем было делить. Саму ее это не слишком волновало, но вот остальных... Устав от сочувственных взглядов, на этот раз Лили решила позавтракать в своем бунгало.

– Мисс, если за обедом все-таки захотите присоединиться к общему столу, звоните.

Лили улыбнулась пришедшей забрать посуду Матильде.

– Вообще-то я собиралась немного погулять, может, даже дойти до города... Раньше вечера вряд ли вернусь. И ужинать я буду у себя.

– В одиночестве? – Даже мама не сумела бы вложить в этот вопрос больше неодобрения.

В ответ Лили уверенно кивнула.

Не то чтобы здесь нельзя было шагу ступить, чтобы не нарваться на молодоженов в медовом месяце, но стоит признать: роскошный курорт, рассчитанный исключительно на взрослых, привлекал в основном влюбленные парочки. Единственным же одиночкой, кроме нее самой, оказался путешествующий писатель средних лет, от которого она узнала, что когда-то этот остров принадлежал Дании и лишь затем его выкупили Штаты, но очередная лекция ее совершенно не привлекала.

Да и вообще, приятно хоть немного побыть одной, наслаждаясь простыми радостями жизни, которые, до того как стать матерью, она воспринимала как данность.

Повесив на плечо полотенце, она пошла вдоль пляжа, мягко улыбнувшись при мысли о дочери. Пусть она и не планировала заводить ребенка так рано, но теперь просто не могла представить, как иначе сложилась бы ее жизнь. И ей уже так не хватало Эмми, словно малышка была неотъемлемой частью ее тела. Но как же все-таки приятно полчаса заниматься ногтями или целых два часа читать, ни на что не отвлекаясь...

Правда, новый ноутбук, третий приз в журнальном конкурсе, был бы куда более практичной наградой.

- Ну не можешь же ты отказаться от отпуска в тропическом раю! - взорвалась мама, стоило лишь Лили об этом заговорить.

- Но Эмми...

- По-твоему, я за внучкой и неделю присмотреть не в состоянии?

- Конечно, в состоянии, но не могу же я...

Лили и так жила с постоянным чувством вины за то, что слишком часто обращалась за помощью к матери. Особенно во время тяжелой беременности и первых бессонных месяцев после появления малышки, а иначе вообще вряд ли бы сумела со всем справиться. И уж точно не смогла бы устроиться в колледж, если бы мама сама охотно не предложила присматривать за внучкой в те два дня, что Лили работала.

– Ну и чем мне заниматься на этой куче песка посреди океана?

– Раз ты спрашиваешь, тебе точно нужно отдохнуть. Когда ты последний раз хотя бы полчаса потратила на саму себя? Или те же полчаса провела с ровесниками? Тебе нужно немного расслабиться и отдохнуть. Да к тому же ты вполне можешь там кого-нибудь встретить и...

Отлично понимая, куда клонит мать, Лили громко вздохнула:

– Я знаю, ты мечтаешь, чтобы я вышла замуж, но...

– Я мечтаю, чтобы ты была счастлива, чтобы обе мои девочки были счастливы.

А для мамы, которая без конца твердила, что у каждого в этом мире есть родственная душа, это значило лишь одно. Как она сама не раз повторяла, ей повезло, своего мужчину она нашла, а других для нее попросту не существовало.

Правда, эта напыщенная романтика как-то мало вязалась с детскими воспоминаниями Лили, полными шумных разборок, хлопанья дверей и слез, но она никогда не решалась спросить, действительно ли мама считала, что отец был ее идеальным мужчиной, или таким способом пыталась примирить себя с тем, что слишком рано овдовела? Или она уже так долго твердила им с Ларой красивую сказку, что и сама успела в нее поверить?

– Мам, я и так счастлива.

Только почему же ей никто не верит?

Да и в любом случае, даже если бы она захотела завести роман, у нее все равно не хватило бы на него времени, без остатка уходившего на сдельную работу в колледже, волонтерство в хосписе, на который мать без устали выискивала все новые и новые средства, и заботу о двухлетней дочери.

Дни были заняты без остатка, а ночью Лили без сил падала на кровать и мгновенно засыпала, считая свою жизнь полной и насыщенной, но иногда и у нее все же появлялись сомнения, и тогда она начинала гадать, что было бы,

если... Но долго хандрить она себе не позволяла, в конце концов, у нее до сих пор было полно планов и стремлений, хотя они довольно сильно и отличались от тех, что были на последнем курсе театрального колледжа. Тогда у нее за плечами были уже пара небольших ролей в телесериалах и готовое место в костюмированном спектакле после выпуска, а это не так уж и мало для невидимой близняшки.

И хотя ее жизнь резко изменилась, Лили ни о чем не жалела и теперь мечтала лишь о том, чтобы стать дочери достойным примером. Раньше она была неплохой актрисой, а теперь обнаружила, что из нее получился не просто неплохой, а вполне себе хороший учитель. И стоило ей только вернуться в колледж, как она сразу же решила, что ей мало работы ассистента. Она должна стать дипломированным специалистом, потому что, несмотря на то что свое имя она никогда больше и не увидит в титрах, кто знает, сколько скромных неуклюжих подростков, таких, каким когда-то была она сама, познают с ее помощью окрыляющую силу сцены, где на краткий миг можно ощутить себя кем-то другим? Кем-то нужным и важным?

Но, утопая по щиколотку в песке, Лили думала вовсе не о работе. Она вспоминала вчерашний разговор с дочкой по скайпу. Правда, «разговор», наверное, это слишком громко сказано. Восседавшая на бабушкиных коленях малышка заявила, что хочет «моховую» собачку, а уже через пять минут крепко уснула.

– Думаю, она хотела сказать «мохнатую», – перевела Элизабет, поглаживая курчавую головку внучки. – Сегодня схватила бедную псину Роберта за хвост и не хотела отпускать.

Лили так захотелось обнять дочь и вдохнуть аромат детских волос, что она едва не расплакалась.

Бросив полотенце на песок, она с разбегу бросилась в теплые ласковые волны, стараясь не думать о переполнявшей грудь смеси тоски и гордости.

Возвращая картину, Бен отлично понимал, что со стороны его жест выглядит излишне театрально, но все остальное он уже испытал, а дед упрямо стоял на своем, отказываясь отступить даже на сантиметр и не желая продавать ни

кусочка старого барахла, ни горсти земли, потому что так и не поверил, что в долгосрочной перспективе это может стать разумным финансовым ходом.

Разговор не задался с самого начала, и дед уже готов был заявить что-нибудь в духе «никогда здесь больше не появляйся», но Бен решил, что не стоит доводить до слов, о которых они оба потом будут жалеть, махнул рукой и принял приглашение.

Ступая по старым коридорам, Бен немного успокоился, глубоко вздохнул и решил, что пора сменить тактику. Различные государственные и финансовые институты высоко ценят его мнение и готовы платить за подробный анализ рынка, но это не мешает родному деду до сих пор считать его не способным на разумные советы ребенком.

Остановившись, чтобы ответить на сообщение помощницы, напоминавшей, что через два часа у него назначена встреча в Париже, Бен услышал какой-то шум, и стоило ему только осознать, что это за звук, как он сразу же глянул в окно на ожидавшийся его вертолет, борясь с желанием сделать вид, что не слышит детского плача.

Засунув телефон в карман, Бен пошел на звук и оказался на кухне, где мало что изменилось с викторианских времен. Застыв на пороге огромного зала, он увидел на руках у встревоженной экономки, Элизабет Грей, заплаканную, пронзительно кричавшую девочку.

– Ничего себе легкие, – улыбнулся он. А заодно и шевелюра. Копна огненно-рыжих волос мгновенно воскресила прочно запертые в самом дальнем уголке сознания воспоминания. Те воспоминания, о которых он предпочел бы лишний раз не вспоминать.

И до этой минуты и не вспоминал.

– Бенедикт!

Интересно, знай Элизабет, что он переспал с одной из ее дочерей, улыбалась бы она так тепло и приветливо? Но стоило экономке с девочкой на руках немного приблизиться, как праздное любопытство сменилось ужасом.

– Твой дед не говорил, что ты приедешь...

– А он и не знал.

– Ты останешься на... Ладно, не важно, поддержи ее минутку, пожалуйста, – взмолилась Элизабет и, не дожидаясь ответа, всунула ему заплаканную малышку, не оставив выбора, так что Бен замер, держа рыжее извивающееся чудо так, как держал бы готовую взорваться от любого неосторожного движения бомбу, – на вытянутых руках! Да с бомбой ему, пожалуй, было бы даже проще. От нее хотя бы понятно, чего ожидать.

Нет, к детям он относился вполне спокойно и даже понимал, почему многие мечтают обзавестись потомством, просто порой ему становилось любопытно, зачем детей рожают те, у кого нет ни малейшего желания о них заботиться. Зачем это людям вроде его собственной матери, никогда не стремившейся излить на него материнскую любовь, да и вообще сразу же забывшей о его существовании, потому что на первом месте для нее всегда была лишь карьера. Но, как она неоднократно это подчеркивала, отсутствие чрезмерной опеки сделало его полностью самодостаточным.

А еще Бен открыто признавал, что унаследовал некоторые материнские черты характера или, как считали некоторые, недостатки. Амбициозный и фанатично преданный работе, он никогда не заблуждался относительно собственной природы и отлично понимал, что в глубине души он редкостный эгоист, что в сочетании с бритвенно-острым умом и безошибочными инстинктами помогло ему быстро достичь успеха.

Но даже без этих инстинктов он и так четко сознавал, что отец из него получится никудышный. Да и могли ли быть в этом какие-то сомнения? Чтобы стать хорошим родителем, нужно постоянно собой жертвовать и идти на уступки, а он на это в принципе не способен. И его осозанный отказ от детей стал еще одной бесконечной точкой трения с дедом, который свято верил, что продолжение рода должно стоять превыше всего.

– Она заболела? – спросил Бен, пристально разглядывая девочку. Наверное, если не зареванная мордашка, сморщенный носик и покрасневшие щеки, она была бы хорошенькой.

– Нет. Гонялась за кошкой, ударилась головой и немного порезалась. – Разобрав рыжие пряди, Элизабет осмотрела поврежденное место. – Ничего страшного, но кровь все никак не остановится, а Эмми не любит кровь. Но, дорогая, ты же храбрая, верно? Хватит уже плакать.

Храбрая Эмми вновь пронзительно пискнула, и Бен невольно поморщился. Неужели все дети такие громкие? Сам он был единственной родительской ошибкой, так что сравнивать ему было не с кем.

– А я и не знал, что у Лары есть ребенок. – Ему едва удалось перекричать всхлипы Эмми. – Она в гости приехала или насовсем вернулась из Штатов? – спросил он, изображая вежливое любопытство, которого совершенно не чувствовал, хотя и удивился, узнав через полгода о состоявшейся свадьбе.

Бен бы в жизни не догадался, что шумная Лара Грей так рано выскочит замуж, но с другой стороны, что он вообще понимает в таких делах? Ее сестра еще меньше походила на женщину, которая после ночи любви уйдет от спящего мужчины. Даже не попрощавшись.

Но именно так она и поступила.

Проснувшись и обнаружив рядом с собой пустую подушку с одинокой сережкой и едва уловимый аромат духов, ему следовало бы почувствовать облегчение. Но вместо этого он пришел в ярость, которую за все три года так и не сумел до конца усмирить. И стоило ему только взять в руки рыжую девчужку, как в нем вновь пробудилась старая злость.

Неприятно, когда тебя используют. Да и плохие манеры его никогда не привлекали.

Точно, именно из-за плохих манер он и не может забыть ту ночь трехлетней давности. Можно подумать, от записки с благодарностью ему стало бы хоть чуточку легче.

Разумеется, в жизни у него была парочка утренних сцен, которые ему хотелось побыстрее окончить, но когда он тем утром проснулся и потянулся в поисках тепла женского тела, а нашел лишь холодные остывшие простыни, вспыхнувшие злость и ярость почти сумели скрыть первое чувство. Почти, но не до конца. И

чувствовал он тогда боль потери от чего-то непередаваемо важного.

Глупо притворяться, что все было не так. Они встретились совершенно не вовремя, но Бен все равно не смог устоять, хотя отлично понимал, что, как только журналисты пронюхают о внезапном окончании столь же внезапной помолвки, его личную жизнь подвергнут тщательному анализу, и если обнаружат, что он сразу же начал новые отношения или, по крайней мере, нашел новую любовницу... Ну не смешно ли, что он тогда так переживал и не хотел впутывать во все это Лили? И после всех этих треволнений, а заодно и лучшего в жизни секса, сумевшая разбудить в нем давно и прочно уснувшие рыцарские инстинкты женщина просто ушла не попрощавшись?

Но жизнь не стоит на месте, и Бен уже давно двинулся дальше.

Правда сперва тщательно обдумал случившееся. Лили была именно тем, что ему тогда было нужно. Но как же он удивился... ведь она всегда была такой милой. Ну и ладно. Так даже лучше. Ясно же, что она полностью сосредоточилась на карьере, а секс – всего лишь отличный способ провести время и отдохнуть. Что в этом такого особенного? Женщины все чаще выбирают такой подход, да и сам он всегда предпочитал встречаться именно с такими.

– У Лары? – Удивленно глянула на него Элизабет, отбрасывая падавшую на глаза светлую прядку. – У Лары еще нет детей. Это дочка Лили.

– Лили вышла замуж? – При всем желании Бен вряд ли бы сумел сказать, что сейчас чувствует.

– Нет. Она мать-одиночка, и я ей очень горжусь. Она вернулась в город и работает по утрам в колледже, а я, когда могу, помогаю.

Бен все еще пытался осмыслить свалившиеся на него новости.

Никакой громкой карьеры, гламура, красных ковровых дорожек и софитов, вместо них... Он пристально посмотрел на успокоившуюся девочку, подозрительно разглядывающую его голубыми глазами.

Пронзительно-голубыми.

Застыв на месте, Бен чувствовал, как где-то глубоко внутри стремительно разрастаются сомнения.

- Наверное, ей непросто приходится.

- Ничего, я всегда готова помочь, да и Лили в малышке души не чаает...

- М... Мамочка! - Нижняя губа ребенка снова опасно задрожала. - Хочу к мамочке!

- Хорошо, когда уже в таком возрасте понимаешь, чего хочешь от жизни.

- Точно, - рассмеялась Элизабет. - Наша красавица всегда знает, чего хочет, в отличие от Лили. С той всегда было просто, не то что с Ларой. Не переживай, солнышко, мамочка скоро вернется, пять раз поспишь и она уже дома. Она еще плохо понимает время. - Улыбнувшись, Элизабет заклеила ранку пластырем. - Ну вот и готово.

Все еще держа девочку, Бен старательно думал, но его разум безуспешно бился о кирпичную стену, за которой ничего нельзя было разглядеть. Да и нечего там было разглядывать. С чего это он вдруг решил совершить типичную ошибку и натягивать факты на теорию? Да еще и на совершенно безумную!

Осознав, что все же сумел обойти по краешку ловушку, Бен немного расслабился и усмехнулся.

У него чуть ли не половина знакомых голубоглазые.

Но стоило Бену чуть внимательнее приглядеться к выворачивающемуся из рук ребенку, как он снова напрягся. Ладно глаза, но встречал ли он у кого-нибудь, кроме матери, такую же приметную родинку? Огромным усилием воли он поборол порыв разобрать рыжие пряди, чтобы лучше разглядеть темный полумесяц на виске.

- М... м... мамочка, - настойчиво твердила малышка, а потом поймала конец его шелкового галстука и сунула его в рот.

А кого она все же зовет папочкой?

– Не жуй его, Эмми, подавишься. – Высвободив галстук, Элизабет смущенно улыбнулась. – Извини. С тобой все в порядке?

– Да, просто немного с дедом поссорился. – Почему-то сейчас ему казалось, что это случилось целую вечность назад.

Все затмил один-единственный вопрос. Что, если это все-таки его ребенок?

Бред.

Невозможно.

Бен снова посмотрел Эмми в глаза и поймал на себе серьезный взгляд голубых глаз. Но уже через секунду девочка проказливо улыбнулась и вновь ухватилась за галстук.

– Мое!

Бен судорожно сглотнул.

– Эмми, хватит! Извини, Бен...

Протянув ребенка Элизабет, он невольно вдохнул аромат волос малышки, пока экономка уверенными руками разжимала цепкие детские пальчики.

Так, хватит.

Это не возможно.

– Деду очень тебя не хватает.

– Даже если и так, он отлично это скрывает.

Понимая, что стоит на развилке дорог, способной раз и навсегда изменить его жизнь, Бен лишь головой покачал. Его жизнь. Выбранная им жизнь может раз и навсегда измениться.

Но даже если он никогда и не хотел заводить детей, все же лучше знать, что у него все-таки есть ребенок, чем всю жизнь теряться в догадках.

Расправив плечи, Бен улыбнулся.

– Значит, пока Лили работает, ты присматриваешь за малышкой? – Вот зачем заводить детей, если не собираешься о них заботиться?

– Да, но сейчас она погостит у меня целую неделю. – Элизабет погладила внучку по пушистой головке. – Лили выиграла в конкурсе недельную поездку под солнцем.

Бен стиснул зубы. Значит, материнство совсем ее не изменило.

– Правда, она хотела отказаться.

Ну конечно.

– Мне ее чуть ли не силком в аэропорт пришлось тащить, а то она совсем себя не жалеет. Я ей постоянно твержу, что нельзя сводить всю жизнь к заботам об Эмми, но разве ей что докажешь?

Слушая вполуха, Бен безуспешно отгонял вставший перед глазами образ Лили в купальнике, с каждой секундой все больше раздражаясь. Нет, ну неужели он совсем самоконтроль потерял? Да и в любом случае, даже если Эмми и не его дочка, мать обязана ставить интересы ребенка выше своих собственных. А она бросила малышку на бабушку и укатила загорать под солнцем.

– У нее такая необычная родинка... – Бен пристально смотрел на экономку, но она вообще никак не отреагировала на его слова. Похоже, или она лучшая в мире актриса, или тоже ничего не знает.

– Эмми... Эмили Роуз. – Элизабет погладила внучку. – Да, на полумесяц похожа, верно?

Бен никогда не торопился с выводами, так что решил, что и сейчас начинать не стоит. Лучше уж сперва разобраться в обстановке и все выяснить.

– Сколько ей?

– Два года. Вообще-то она должна была родиться как раз на день рождения близняшек, но Лили упала и родила на месяц раньше.

– У мамы была похожая родинка. – Она удалила ее еще при первой подтяжке лица.

– Как она поживает? – вежливо спросила Элизабет.

– Не знаю, – честно ответил Бен, а потом, поддавшись внезапному порыву, прикоснулся к огненной пряди. – Совсем как у ее матери.

А глаза как у него самого. Но дело не только в глазах. Линия подбородка, родинка, как у его матери...

Нельзя торопиться с выводами!

Только к чему эти жалкие отговорки, когда правда видна невооруженным взглядом?

Это его ребенок.

– Я так любила причесывать девочек, – улыбнулась Элизабет. – Но они слишком быстро выросли.

– Это... – Вспомнив, как рыжие локоны щекотали ему грудь и живот, Бен невольно запнулся.

– Они восхитительны, – продолжала гордая бабушка, – девочки унаследовали их от отца-ирландца. У них в роду почти все рыжие и светлокожие. Близняшки постоянно на солнце обгорали, но Эмми повезло больше.

– Глаза и оттенок кожи ей от отца достались?

– Не знаю, Лили не хочет о нем говорить. – Элизабет поудобнее перехватила уснувшую внучку.

Неудивительно, но стоит ей вернуться, он заставит ее во всем признаться.

Хотя зачем ждать?

– Твоя комната... Сейчас позову Джейн.

– Не нужно, я уже уйду, но не отказался бы от чашки кофе.

Твердо веря, что к битвам нужно готовиться и нельзя недооценивать эффект неожиданности, Бен задержался еще на полчаса, чтобы узнать все интересующие его детали.

Зачем ждать, пока Лили устанет загорать на пляже, когда можно самому туда нагрянуть и с опозданием на три года услышать признание из ее собственных губ?

Тех губ, что он так и не сумел позабыть?

Лишь спустя час Бен понял, почему название солнечного острова казалось знакомым.

– Значит, отменить все на три дня вперед? – секретарша на удивление спокойно восприняла новость.

– Лучше на четыре.

- Хорошо. Жить будете в доме или вам что-нибудь снять?

- В доме?

- Вы больше не хотите выставлять его на продажу?

Бен наконец-то понял, что речь идет о наследстве двоюродного дедушки.

- Пока нет. Сперва посмотрю, на что он годится.

Когда бесконечный полет закончился, Бен распорядился отправить багаж в унаследованный дом, а сам сразу же направился в приравненный Элизабет Грей к раю отель, чувствуя, что у него сбился суточный режим. Точнее, он еще двенадцать часов назад прилетел в Ворен Корт со сбитым режимом. И теперь, вышагивая по белоснежному песку пляжа в совершенно не уместных здесь кожаных туфлях ручной работы и строгом костюме, понимал, что одним сбитым режимом дело не ограничивалось.

Но переполнявшие его адреналин и злость служили не плохим топливом, причем последовавшие за открытием часы совсем не уменьшили последнюю, зато до неприличия сократили его терпение.

Оторвав взгляд от горизонта, Бен опустил на корточки, пристально разглядывая вмятины в белом песке, по которым шел за рыжей красавицей от бунгало. Отлично, он ее почти догнал, тем более что отпечатки явно свернули к морю.

Уверенно направившись вперед, Бен подобрал валявшееся на песке полотенце и втянул едва уловимый аромат роз, на который мгновенно отреагировал организм, вызвав мимолетный приступ отвращения к самому себе.

Он до сих пор помнил этот запах. Собственно, он вообще все помнил.

Стараясь не обращать внимания на щекочущий нервные окончания ток, Бен стиснул в кулаке полотенце, пристально вглядываясь в видневшуюся вдалеке рыжую голову. Похоже, на знаки, предупреждавшие о сильном течении за рифами, она внимания не обратила.

И почему он только вообще сегодня решил вылезти из постели?

Но не успел Бен еще как следует над этим задуматься, как Лили развернулась и поплыла к берегу.

Бесконечная теплая лазурная гладь окутывала ее со всех сторон, маня и баюкая. И хотя изначально Лили собиралась окунуться всего на пару минут, нежась в ласковых волнах, она почти сразу потеряла счет времени, но не забыла историю о слегка подвыпившем и утонувшем туристе, который то ли не заметил, то не обратил внимания на предостерегающие знаки.

Став матерью, Лили вдруг необычайно четко осознала собственную смертность и совсем перестала рисковать. Да, по правде сказать, она и раньше не слишком часто этим занималась. Точнее, за всю жизнь она один раз и рискнула.

Плывя к берегу, Лили попыталась нащупать ногами дно, с трудом дотянулась до него одним пальчиком, сделала еще пару гребков и наконец-то сумела спокойно встать, лишь слегка балансируя руками, и направилась к берегу, заметила, что там кто-то есть, и решила, что это один из постояльцев отеля, потому что на этот удаленный пляж, кроме них, почти никто и не заходил.

Помахав рукой, она отбросила с лица мокрые волосы и пару раз моргнула, пытаясь разглядеть человека на берегу.

А стоило ей его разглядеть, как она сразу же замерла с бешено бьющимся в груди сердцем. Потерла глаза и посмотрела на берег, где все так же стоял высокий мужчина в темном костюме. Знакомый мужчина смотрел на нее пронзительно-голубыми глазами того же редкого оттенка, что и у ее дочери.

И когда она последний раз смотрела в эти глаза, она сразу же растаяла, целиком и полностью отдаваясь ему в руки. Но на этот раз она не растаяла, а замерла, и ее разум, не в силах справиться с шоком, просто отключился.

Каким-то непостижимым образом отец ее ребенка оказался на берегу и казался еще выше и внушительнее, чем она запомнила. Темный сшитый на заказ костюм, белоснежная рубашка с расстегнутым воротом... Его наряд был почти столь же неуместен, как и вспыхнувшее внизу живота томление. Но он невозмутимо стоял на берегу, заставляя чувствовать себя так, словно это не он, а она сама одета неправильно.

Необычайно остро ощущая каждый миллиметр обнаженной кожи, Лили призвала на помощь все свое актерское мастерство, вздернула подбородок, слегка махнула рукой и изобразила вежливое удивление. Чувствуя, что ничего хорошего эта встреча ей не принесет, она все же собрала волю в кулак и направилась к берегу.

Ладно, не стоит думать о худшем. Да и что такого может случиться? Эмми дома, в безопасности, да и сама бы она сейчас предпочла оказаться именно там, но вместо этого заставляла себя идти, словно ничего особенного и не случилось.

Полностью сосредоточившись на собственных шагах, она подошла к Бену на метр и лишь тогда увидела, что он напряжен до предела и даже не пытается скрывать переполнявшую его ярость. И расходившаяся от него волнами злость была направлена ни на что-либо, а именно на нее. Причем злость – это еще слабо сказано. Извергаемая им аура так и кипела вокруг, а холодный безжалостный взгляд разом пригвоздил ее к месту.

Борясь с нахлынувшими на нее виной, страхом и смущением, Лили старательно отодвинула в сторону образ дочери и постаралась ответить на испепелявший ее взгляд.

И сразу же поняла.

Он знает!

Вместо того чтобы броситься обратно в море, Лили расправила плечи и отбросила с лица волосы.

– Привет, – произнесла она на удивление спокойным голосом, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

Привет?..

Она даже виноватой себя не чувствует? Да еще и выглядит... Сглотнув, Бен невольно пробежался взглядом по чувственным изгибам стройного тела, ощущая, как переполнявшая его злость переплетается с желанием, ослепительной вспышкой, пригвоздившей его к месту, когда она появилась из волн, как какая-то греческая богиня.

Но с другой стороны, Лили Грей была такой женщиной, которая даже в мешке из-под картошки выглядела ослепительно, так на что еще можно было рассчитывать? Тем более что сейчас на ней было всего три черных треугольничка, скрепленных металлическими колечками. Бен еще раз произвольно пробежался взглядом по роскошному телу. С их последней встречи ее формы слегка округлились, став еще более привлекательными, а талия была по-прежнему настолько тонкой, что он без труда сумел бы обхватить ее ладонями.

Бен вдруг понял, что до сих пор сжимает в руке полотенце, и почувствовал очередной приступ отвращения к самому себе за то, что совершенно не в силах себя контролировать, и грубо бросил ей полотенце.

– Спасибо. – Изнутри голова буквально взрывалась от бурлившего в ней урагана мыслей и чувств, но Лили все же смогла спокойно улыбнуться и прикрылась полотенцем, надеясь, что он наконец скажет, что ему здесь понадобилось.

Но он по-прежнему молчал, и она начала выжимать волосы, удивляясь, что руки и не думают трястись, хотя чувствовала, что еще немного и у нее подкосятся колени. Да и вообще, вся эта ситуация как две капли воды походила на ее самый страшный кошмар, так что, если бы земля сейчас разверзлась у ее ног, она бы не задумываясь прыгнула в бездну.

Только спасительная бездна появляться не торопилась, и Лили призвала на помощь всю свою выдержку и посмотрела прямо ему в глаза.

– Такая неожиданность. Как ты здесь оказался?

– А сама не догадаешься? – прорычал Бен, с видимым усилием отрываясь от стекавших по белому плечу капелек.

– Я никогда не умела отгадывать. Ты хочешь мне что-то сказать?.. – выдохнула она еле слышно. – Извини, но я на массаж опаздываю.

Она попыталась обойти Бена, но он преградил ей дорогу:

– Понятно, а я-то надеялся, что ты сумеешь выделить для меня пару минут и мы немного поговорим. Что-нибудь в духе «Бен, я совсем забыла, но пару лет назад я родила от тебя ребенка»?

Лили закрыла глаза.

Начинается.

Правда, какая разница, сейчас или потом? Рано или поздно этот разговор все равно состоялся бы.

Глубоко вдохнув, она кивнула.

– Извини, что ты так обо всем узнал... – начала она и сразу же остановилась, потому что не имела ни малейшего представления, как он все узнал. Но, наверное, важно лишь то, что узнал он не от нее. – Пойдем.

– Значит, даже отрицать ничего не станешь?

А к чему?

– Я никогда не умела врать.

– Тем не менее у тебя неплохо получилось.

– А я и не врала, просто решила не...

– ...утруждать меня правдой? – усмехнулся он. – Или просто не могла определиться, от кого именно забеременела?

От подобного оскорбления, а Бен явно намеревался ее оскорбить, Лили лишь нервно засмеялась и, сжав зубы, вздернула подбородок, не собираясь объяснять ему всю иронию происходящего. Не признаваться же, что свято верила, что та ночь должна была послужить началом чего-то большого и прекрасного. Подобного унижения она просто не выдержит, пусть уж лучше он считает ее какой-то пустоголовой ветреницей, кочующей по чужим кроватям.

– В этом-то как раз никаких сомнений не было.

– А мне ты вообще сообщать собиралась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kim-lorens/vse-radi-odnoy-nochi>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)